СВОД ЗАКОНОВ ГРАЖДАНСКИХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832 Г.: ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Тараборин Р.С.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, trs-2008@yandex.ru

УДК 34(09)
ББК 67.3(2)52

Цель. В статье рассматривается вопрос генезиса законодательной конструкции Свода законов гражданских Российской империи 1832 г.

Методы. Анализируются теоретические идеи, базовые принципы и правила составления Свода законов гражданских. Особое внимание уделено проектам построения системы гражданского законодательства.

Научная новизна и результаты. В ходе рассмотрения законодательной конструкции Свода законов автором определяется взаимосвязь элементов с особенностями общественных отношений.

Ключевые слова: систематизация законодательства, Кодекс законов, М.М. Сперанский, история гражданского законодательства в России.

CODE OF CIVIL LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE 1832: GENESIS OF THE LEGISLATIVE CONSTRUCTION

Taraborin R.S.

Candidate of Science (Law), Assistant Professor, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Urals Institute of Management – Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, trs-2008@yandex.ru

Purpose. The article addresses the issue of genesis of construction and development of the Code of Civil Laws of the Russian Empire in 1832.

Methods. Theoretical ideas, basic principles and systematization standards forming the basis of the Code of Civil Laws are discussed. Special emphasis is given to the projects of the Code of Laws system.

The scientific novelty of the results. During the consideration of the legislative design of the laws the author defines the relationship of the elements with the features of social relations.

Key words: systematization of legislation, Code of Laws, M.M. Speranskiy, history of Civil Law in Russia.

Обстоятельства, сопровождавшие восшествие Николая I на российский престол, равно как и его личные мировоззренческие установки, предопределили приоритетную ориентацию всей внутренней политики императора на сохранение общественной стабильности посредством твёрдой монархической власти. Общеполитический курс диктовал соответствующий подход к решению законодательных проблем, доставшихся от всех прежних монархов. Сам император определил его следующим образом: «... недостаток результатов происходил, главнейше, от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах ... из предложенных мне путей, я выбрал совершенно противуположный прежним. Вместо сочинения новых законов, я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют» [2, с. 300].

Позиция, занятая Николаем I, предопределила содержание всей последующей работы по систематизации российского законодательства, порученной новому учреждению, созданному 31 января 1826 г. взамен распущенной Комиссии составления законов, – Второму

© Джахбаров Ю.А., 2015

отделению Собственной Е.И.В. канцелярии. Вновь образованное отделение император счёл нужным принять в своё непосредственное ведение. В отличие от предшественников Второе отделение имело два важных достоинства: «... во-первых, непосредственная близость этого учреждения к представителю верховной власти обеспечивала ему успешное и быстрое устранение всех трудностей, возникавших на его пути; во-вторых, что еще важнее, этой мерой создавалось такое специальное учреждение, для которого сложное и кропотливое дело упорядочения законов становилось единственной, исключительной и притом постоянной функцией» [8, с. 235].

Начальником Второго отделения был назначен М. А. Балугьянский, но управление всеми текущими делами и доклады у императора были возложены на М. М. Сперанского, хотя никакого официального назначения он не получил. Мы согласны с В. А. Томсиновым, полагавшим, что Николай I намеренно оставил, таким образом, М. М. Сперанского «в тени», чтобы создать благоприятные условия для его работы, выведя из поля зрения общественного мнения [9, с. 336].

При определении конкретных основ юридической конструкции будущего свода законов, в первую очередь, принципиальное значение здесь имело решение вопроса о выборе из известных видов сводов наиболее адекватного для российского законодательства.

По мнению М. М. Сперанского, имелись шесть главных видов сводов [3, с. 70–80]:

1) своды посредством выписок, когда сами выписки составляются приведением слов из разных законов, относящихся к одному и тому же предмету, без всякой связи одной статьи с другой;

2) своды учебные или учёные, где обыкновенно излагаются главные разделения какого-либо разряда законов;

3) ручные книги или сборники, по сути, краткие указания на законы, содержащие только их смысл, составленные для руководства должностных лиц и для удобства исполнения;

4) своды в виде пространных и кратких указателей;

5) Сводное Уложение, в основание которого при Петре I было положено Соборное уложение, дополняемое Новоуказными статьями и последующими указами;

6) Свод Юстиниана.

Из сопоставления перечисленных видов сводов делался однозначный вывод: «Очевидно, что наше Сводное Уложение в начатках его и состав Юстинианов в действительном исполнении одни представляют дело законодательное; все прочие виды ... суть дело частное». Свод «должен быть Corpus juris, общим составом законов, и в сем понятии должен обнимать все части законодательства во всей их совокупности» [3, с. 81]. Следовательно, сущность работ по составлению Свода виделась в составлении единого документа, включающего всё российское законодательство.

Выбор в пользу кодекса Юстиниана формально мог быть обоснован тем, что его создание в своё время решило задачу, близкую той, что теперь стояла перед Вторым отделением. Кодификация Юстиниана проходила «для того, чтобы старые источники права превратить в живые источники нового права ... создать из хаоса текстов, законов, конституций одно стройное целое» [7, с. 40]. Юстиниан, проводя кодификацию всего римского права, «хотел устранить различия между jus vetus и jus novum (древним римским правом, содержащимся в трудах классических правоведов, и новым правом, проистекающим из конституций римских императоров), создав, таким образом, единую правовую систему» [6, с. 61].

Но не менее важным было и то обстоятельство, что кодификация Юстиниана оказала огромное влияние на развитие права во многих государствах Европы, поэтому ориентация при создании российского Свода законов на римский правовой образец означала определённое движение в том же направлении, в котором развивалось европейское законодательство. Актуальность подобной законодательной эволюции дополнительно усиливалась социально-экономическими изменениями модернизационного характера, объективно формировавшими в российском обществе новые отношения буржуазного характера. А именно «установления Юстиниановой кодификации долгое время применялись в Европе в качестве субсидиарного правового порядка буржуазного общества в период его становления, а также во время становления первых гражданских кодексов, которые восприняли многие положения римского права в регулировании товарно-денежных отношений в период либерального капитализма» [6, с. 63].

В «Обозрении исторических сведений о Своде законов», принадлежавшем, как полагает большинство исследователей, перу самого М. М. Сперанского, кодекс Юстиниана также рассматривался и в качестве образца для определения правил составления Свода. Но вместе с тем в роли «ближайшего руководства» для этих правил указывались начала, «установленные Бэконом, с теми ограничениями, кои по свойству наших законов признаны необходимыми» [3, с. 104].

Начала Ф. Бэкона, на которые ссылался М. М. Сперанский, содержатся в III главе (подраздел «О новых сводах законов (дигестах)») книги восьмой трактата английского философа «О достоинстве и приумножении наук» – первой части его главного труда «Великое Восстановление Наук» [1, с. 499–501].

Приводимые в «Обозрении исторических сведений... » суждения Ф. Бэкона даются в закавыченном

виде, что должно предполагать их аутентичность, однако на самом деле являются изложением, местами заметно отклоняющимся от оригинала.

На это, например, обратил внимание Г. Ф. Шершеневич, чьи собственные упоминания правил Ф. Бэкона как раз практически идентичны оригиналу. Обнаруженные расхождения позволили ему заключить, что «положения Бэкона вовсе не были руководящими началами при составлении Свода законов, и авторитет английского философа совершенно напрасно был выставлен в этом деле» [10, с. 91].

Поскольку первый русский перевод цитируемого трактата появился в 1874 г., а до этого он был доступен только на английском, латинском и французском языках [1, с. 527], то, скорее всего, М. М. Сперанский пользовался каким-либо текстом, пересказывающим афоризмы Ф. Бэкона. Вряд ли, сам переводя их с оригинального текста, он позволил бы себе столь заметные отклонения от источника.

Но, по всей видимости, авторитет Ф. Бэкона был использован составителями Свода законов не для того, чтобы точно следовать его утверждениям, а с целью, ссылаясь на них, обосновать, по сути, свой собственный подход, учитывающий особенности законодательного материала, с которым приходилось иметь дело, и обстоятельства, при которых Свод создавался.

Поэтому большего внимания заслуживают не «начала Бэкона» или степень аутентичности их цитирования и последовательность практического следования им, а те положения, которые в реальности стали руководящими правилами для составителей Свода законов [3, с. 104–115].

Эти правила могут быть суммированы следующим образом.

1. Свод должен представлять собой собрание только действующего законодательства.

2. При наличии действующих правовых норм, повторяющих друг друга, в Свод включается та статья, которая в наиболее полном виде отражает содержание данной нормы.

3. Статьи Свода, основанные на одном действующем указе или постановлении, следует излагать словами самого указа или постановления без каких-либо изменений; статьи, составляемые из двух или более указов, – словами главного, присоединяя из других те, которые служили ему дополнением или пояснением; статьи, составляемые из многих указов, – с передачей совокупного смысла всех этих указов; под каждой статьёй необходимо указывать источники её происхождения.

4. Текст закона должен воспроизводиться именно так, как он изложен в источнике, без каких-либо перемен и сокращений, но при исключении из текстов указов и постановлений двух их первых частей (изложение дела или случая, давшего повод для данного закона, и рассуждений, принимавшихся во внимание при создании этого закона).

5. В случае несовпадения законов, посвящённых одной и той же правовой норме, предпочтение следует отдавать более позднему по времени создания.

6. Утверждение соответствующих частей Свода законов относится к компетенции органов управления, которым по роду деятельности эта часть законодательства наиболее известна.

7. В общем Своде должны быть собраны общеимперские законы, действующие на всей территории страны, и также должны быть отдельные Своды для местного законодательства, действующего в определённых регионах страны (западные и остзейские губернии).

8. К принятому Своду законов необходимо добавлять ежегодное продолжение, учитывающее все вновь изданные законы.

Следует признать внутреннюю логичность и взаимосвязанность перечисленных правил, представлявших собой своего рода алгоритм систематизации законодательства, сформулированный создателями Свода и прежде всего лично М. М. Сперанским. Следование подобному алгоритму создавало потенциальные возможности для того, чтобы Свод законов являлся именно системным собранием действующего законодательства, отражающим своеобразие данной, очевидно, – переходной по своему основному характеру, – эпохи.

Конкретная работа по составлению Свода законов требовала первоначального определения принципов, по которым будет проводиться систематизация законодательного материала, или, иначе говоря, определения структуры Свода.

В основу подобной систематизации легло положение о двух союзах, государственном и гражданском, определяющих и два вида законов: законы государственные и законы гражданские [3, с. 118–119].

Первые разделялись на: законы основные; учреждения; законы государственной силы (воинские, уставы о повинностях и казенного управления); законы о состояниях; уставы благочиния; уголовные законы [3, с. 121–122].

Ещё более детально структурировались гражданские законы [3, с. 123–125].

В них выделялись два разряда законов: 1) законы, определяющие гражданские права; 2) законы, охраняющие действие гражданских прав мерами гражданского порядка.

В свою очередь, в первом разряде проводилось разделение на семейные законы, общие законы об имуществах (включая законы, регулирующие отношения государственного и частного кредита, торговли, промышленности и др.), а также межевые законы

и особенные законы об имуществе (законы государственного благоустройства и экономии).

Второй разряд включал законы: о порядке взыскания по бесспорным делам; о судопроизводстве (общем гражданском и особенных – межевом и торговом); о гражданских взысканиях.

«Таким образом, – констатировал Г. Ф. Шершеневич, – система для русского законодательства, накопленного путем долгого исторического процесса, была взята не из него самого, а из теории» [10, с. 93].

Однако, как нам представляется, вряд ли мог быть реализован иной путь систематизации в условиях российского общества XIX века – общества, уже второе столетие находившегося в движении, хотя и с национальными особенностями, по той же модернизационной траектории, которой шли страны Западной Европы. Систематизировать действующее законодательство в переходном обществе, исходя из традиции, сложившейся в относительно стабильном аграрном социуме московского периода российской истории, означало превратить правовые нормы в инструмент, содействующий общественному регрессу и косвенно подрывающий поэтому, в конечном итоге, и имперские позиции России.

Напротив, теоретические положения, которым следовали при создании Свода законов, позволяли придать систематизации законодательства формы, адекватные состоянию общества, в котором тесно переплетались и взаимодействовали различные общественные уклады. Тот факт, что, претерпев некоторые внутренние трансформации, но сохранив свои, в том числе и структурные, основы, Свод законов оставался собранием действующего законодательства, как минимум, не помешавшего модернизационному рывку, совершенному Россией в последней трети XIX – начале XX вв., подтверждает, среди прочего, и верность принципов, которым следовали его создатели.

В этом отношении особый интерес представляют первоначальные планы М. М. Сперанского относительно структуры и содержания именно будущего Свода законов гражданских.

Определённое представление об этих планах дают два архивных документа М. М. Сперанского, изданные Н. В. Калачовым под общим названием «Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских».

В первом из этих документов, озаглавленном автором «Введение к Своду гражданских законов» и написанным, видимо, не позднее 1828 г., проводится разделение Свода на две главные части: «... в первой излагаются законы о приобретении гражданских прав и о разных их изменениях; во второй законы о защищении гражданских прав в случае их нарушения. Первая часть содержит в себе четыре книги: 1) о состояниях; 2) о праве на имущества по разным укреплениям; 3) о праве на имущества по обязательствам; 4) об актах, коими укрепления и обязательства совершаются. Вторая часть содержит в себе три книги: 1) о взысканиях за нарушение прав; 2) об устройстве гражданских судебных мест; 3) о судопроизводстве» [4, с. 3–4].

Показательно, что, резюмируя, автор подчёркивает, что в этих семи книгах будет представлено «всё то, что в иностранных законодательствах составляет собственный предмет Гражданского Уложения ... что в них разумеется под именем Коммерческого Уложения ... что составляет предмет Судебного Уложения», но также и «сверх того ... обширная и многосложная часть совершения всякого рода гражданских и даже межевых актов, и устройство судебных мест» [4, с. 4].

Следовательно, замысел М. М. Сперанского в этот момент действительно состоял в совмещении в одном Своде материального и процессуального права, позволяющем охватить весь круг гражданско-правовых норм, ориентируясь на их европейское понимание («при составлении подробного оглавления предметов, в Свод входящих, приемлемы были в соображение лучшие в сем роде образцы в римском, французском, прусском и австрийском законодательстве» [4, с. 5]), но и с некоторым учётом российской специфики (включение межевого законодательства).

В то же время М. М. Сперанский отнюдь не игнорировал исторической правовой традиции, напротив, он утверждал необходимость создания даже не одного, а двух Сводов: « ...один, в коем изложены гражданские законы в виде историческом со всеми их изменениями, а другой Свод Законов в настоящем их действии. Первый представляет, как законы наши образовались, возрастали, изменились; а последний представляет то, что в них осталось неизменным и ныне сохраняет свою силу и действие». Оба Свода должны были иметь одинаковую структуру, а второй послужить основанием для составления затем Гражданского уложения [4, с. 4–5].

Второй документ, как следует из примечаний М. А. Корфа, представлял собой одну из предварительных работ М. М. Сперанского по созданию для каждого чиновника, работающего над Сводом, «обозрения и главного разделения вверенных ему частей»[4, с. 7].

В этом документе было дано развёрнутое (по разделам и главам) оглавление 2–3-й книг и краткое 4–6-й книг будущего Свода законов гражданских, позволяющее увидеть особенности первоначального не только структурного, но и содержательного подхода М. М. Сперанского к составлению Свода.

Книга вторая, озаглавленная «О разных родах имуществ, о различии прав на оные и личной способности к их приобретению», определялась М. М. Сперанским как содержащая «все, что есть общего в двух последующих: об имуществах и обязательствах; она

есть необходимое к ним введение». Предметами этой книги должны были стать три вопроса: о родах имуществ, подлежащих действию гражданского права; видах прав на имущество; кто и в каком правовом пространстве может приобретать имущество [4, с. 7–8].

В этой книге предполагались три главы: «О разных родах имуществ»; «О различии прав на имущество и пространств их»; «О способности к приобретению имуществ по различию состояний» [4, с. 8–16].

В первой из этих глав должны были присутствовать нормы права, регулирующие разделение имущества, во-первых, на наличное (предмет третьей книги) и долговое или об обязательствах (предмет четвёртой книги); во-вторых, на недвижимое и движимое; в-третьих, на родовое, наследственное и благоприобретённое (применительно к недвижимому и движимому).

Наличное имущество делилось М. М. Сперанским на четыре рода: «1) имущества, силами природы или силами нашими уже произведенные, цельные имущества; 2) произведения сих имуществ...; 3) произведения собственных наших сил; 4) угодья наши, состоящие в чужих имуществах (servitutes)». Долговые имущества определялись им как все обязанности по долгам, договорам и разного рода обязательствам (спорные или бесспорные) по отношению других к субъекту.

К движимому имуществу причислялись все долговые имущества, включая права и повинности крепостных, но в последнем случае с оговоркой: «...чтобы людей назвать движимостью, нужен именной указ». Недвижимое имущество делилось на населённое или ненаселённое.

Во второй главе должны были регулироваться права собственности, пользования, распоряжения, общего и единственного владения.

Сущность первого из этих прав М. М. Сперанский определял как «первоначальное укрепление (titulus)», то есть приобретение имущества, ранее никому не принадлежавшего, либо приобретение от первого приобретателя законным образом.

Право пользования делилось им на три вида: 1) пользование недвижимым имуществом (владение), которое может рассматриваться или как составная часть права собственности, когда ему предшествует укрепление, или же как самостоятельное право, когда оно получало защиту установленной власти; 2) право пользования движимым имуществом, как одно из правомочий собственника; 3) пользование движимым и недвижимым имуществом, отдельное от права собственности.

Право распоряжения заключалось в отчуждении имущества (посредством продажи и т.д.) или отдаче его в пользование. Оно не могло быть отделено от собственности иначе как по воле владельца или по закону.

В третьей главе предполагалось определить, кто может приобретать наличное имущество и кто может приобретать долговое имущество или вступать в обязательства. Эта глава должна была состоять из двух отделений: первое – о приобретении имущества сословиями лиц (с перечислением юридических лиц, как субъектов имущественных прав); второе – о приобретении имущества частными лицами с указанием общих условий приобретения ими прав (произвол, согласие и т.д.), а также особенностей приобретения прав по различию состояний.

Третья книга, озаглавленная «Об имуществах наличных в особенности», должна была заключать правила «тех имуществ, кои действительно приобретаются» (приобретение первообразное или приобретенное), а именно: законность приобретения, пользования и распоряжения обоими этими видами приобретений. Пользование и распоряжение в данной книге не имели долгового или обязательственного характера. Предполагалось деление этой книги на шесть разделов, а каждого раздела на главы [4, с. 16–23].

Первый раздел рассматривал первоначальное приобретение наличных имуществ (пожалование и покупка из казны), последующие пять соответственно: переход имущества от одного лица к другому по произволу владельца при его жизни; по смерти владельца (по завещанию, наследству, выкупу); по обоюдному согласию (мена и купля); об угодьях в чужом имуществе; о владении, пользовании и земской давности.

В четвёртой книге «Об имуществах долговых или о обязательствах» должны были рассматриваться обязательства, возникающие из договоров и их укрепления, причём торговые договоры сюда не включались, и о них следовало сделать соответствующую отсылку к Уставу о торговле. Также предполагалось включить в эту книгу законодательство о взысканиях («обязательства удовлетворения и вознаграждения по обидам личным и по ущербу имуществ») [4, с. 24].

Книга пятая «Об актах» должна была быть посвящена следующим вопросам: как вносятся записи в книги, установленные правительством, и иной порядок совершения актов; какие записи и в каком порядке должны вноситься в книги; какую эти записи должны иметь форму [4, с. 25].

Наконец, шестая книга «О мерах гражданских взысканий» виделась М. М. Сперанскому как регулирующая два основных вида взысканий: предохранительных и решительных. Она должна была содержать правильное описание каждой такой меры (не касаясь её приведения в действие) и случаев употребления (неплатёж или неисполнение обязательств; несостоятельность) [4, с. 25–26].

Сопоставление двух рассмотренных документов, созданных М. М. Сперанским, обнаруживает заметные расхождения между ними, на которые, в частности,

указывал ещё С.В. Пахман [5, с. 17]. Ещё более существенно расхождение этих первоначальных планов с собственно Сводом законов гражданских 1832 г.

К сожалению, отсутствие датировки второго из документов, опубликованных Н.В. Калачовым, позволяет только предположить, что он имеет более позднее происхождение и, возможно, отражает развитие и уточнение представлений М.М. Сперанского о составе Свода законов, происходившие по мере накопления соответствующего исторического законодательного материала и практического опыта его систематизации. Сам М.М. Сперанский признавал, что особенно на этапе формирования текста Свода законов «частные и подробные планы многократно изменялись: ибо перемена в устройстве одного свода часто влекла за собою перемену и в других, с ним смежных» [3, с. 164].

Таким образом, генезис законодательной конструкции Свода законов гражданских 1832 г. находился в рамках общей систематизации российского законодательства, что содержательно и формально отражало состояние всей системы общественных отношений, при котором сочетание в одном законодательном пространстве гражданско-правовых норм московского государства, с нормами XIX в., оказывалось естественным результатом переживавшегося Россией переходного этапа исторического развития.

Литература:

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т.. 2-е, испр. и доп. изд. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 572 с.
2. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Изд. испр. СПб.: Импер. Публ. б-ка, 1861. Т. 2 (ч. 3, 4 и 5). 388 с.
3. Обозрение исторических сведений о Своде законов. Изд. 2-е. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. 204 с.
4. Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских графа М.М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1859. Кн. 2. С. 1–26.
5. Пахман С.В. История кодификации гражданского права: в 2 т. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1876. Т. 2. [2], VI, 485 с.
6. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М.: Зерцало, 1999. 448 с.
7. Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Петерского. М.: Юристъ, 2004. 445 с.
8. Тельберг Г.Г. Участие императора Николая I в кодификационной работе его царствования // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 1. С. 233–244.
9. Томсинов В.А. Сперанский. М.: Мол. гвардия, 2006. 451 с.
10. Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1898. 128 с.

References:

1. Bacon F. Essays: in 2 vol. 2-nd edition, revised and corrected, M.: Mysl', 1977. vol.1. 572 p.
2. Korf M. A. The Life of Earl Speranskiy: in 2 vol. Revised edition. St.-Petersburg.: Imperial public library, 1861, vol. 2 (part 3, 4, and 5). 338 p.
3. Overview of the historic events relating to the Code of Laws. 2-nd edition. St.-Petersburg: Printing factory of the second Subdivision of His Imperial Majesty Chancellery, 1837. 204 p.
4. Explanatory Note of the outline and contents of the Code of Civil Laws of Earl M.M. Speranskiy // Archives of historical and practical records relating to Russia, collected by Nikolay Kalachov. St.-Petersburg: Printing factory of the second Subdivision of His Imperial Majesty Chancellery, 1859. Book 2. Pp. 1–26.
5. Pakhman S.V. History of Codification of Civil Law: in 2 vol. St.-Petersburg: Printing factory of the second Subdivision of His Imperial Majesty Chancellery, 1876. Vol. 2. [2], VI. 485 p.
6. Pukhan I. Polenak-Akimovskaiya M. Roman Law. M.: Zertsalo, 1999. 448 p.
7. Roman Private Law / under the editorship of I.B. Novitskiy and I.S. Peterskiy. M.: Yurist, 2004. 455 p.
8. Telberg G.G. Engagement of The Emperor Nicholas I in codification work during the period of His Reign // the Journal of the Ministry of Justice. 1916. № 1. P. 233–244.
9. Tomsinov V.A., Speranskiy. M.: Molodaiya gvardiiya, 2006. 451 p.
10. Shershenevich G.F. History of Codification of Civil Law in Russia. Kazan: Printing factory of the Imperial University, 1898. 128 p.